

Mon ami

1.

Поздняя осень, ноябрь. Жутко депрессивное время. Варвара уже второй месяц сидела дома со сложным переломом ноги. Первый месяц рядом был Петюня— её гражданский муж, а сейчас он улетел на вахту. На Север.

Варя выходила на улицу на костылях, и то редко. Окном в большой мир стал Интернет. Мелькнула красивая заставка, выскочили закладки. Перешла к почте. Было два сообщения. Одно— от давнего друга Игоря, переселившегося в Израиль, а второе— от неизвестного автора на иностранном языке. Первым порывом было удалить письмо как спам, но женское любопытство взяло верх.

Воспользовавшись переводом, Варвара прочитала: «Привет! Как дела? Меня зовут Джузеппе. Вы красивая женщина».

Варвара усмехнулась: красавицей она себя не считала, но знала, что нравилась мужчинам. В основном их привлекал её пышный бюст. Письмо как письмо, ничего особенного, можно и ответить. Варвара увеличила фотографию. На неё смотрел типичный итальянец лет сорока пяти. Щупленький, невзрачный. Лицо ничего не выражало. Может, фотография с какого-то документа. Совсем не её типаж!

У Вари было тайное-претайное желание— выйти замуж за иностранца. Её подруга Ленка Демидова вышла за австралийца и уже лет пять живёт в Сиднее. Правда, первого австралийского мужа она уже бросила, но год назад нашла другого. А Варвара, не мелочась, сразу мечтала познакомиться с французом или итальянцем.

Через день-другой от Джузеппе снова пришло письмо: «Привет! Как дела? Мне грустно и одиноко».

Варвара отвечала: «На улице пасмурно, идёт снег. Грусть в природе— тоска на душе».

«Сейчас принимаю душ, пью кофе и иду на работу»,— писал Джузеппе на следующий день.

Для неё он был как инопланетянин. Варвара плохо представляла себе его квартиру в Милане, его самого: неопределённого возраста, совсем невыразительного. Не представляла, чем занимается итальянский мужчина после работы. От

ответов о работе и личной жизни Джузеппе уходил.

Просто молчал два-три дня, а потом писал: «Ciao! Come stai?» («Привет! Как ты?»)

Варвара почитала его анкету. Половина ответов на итальянском. Кто бы сомневался. А ведь привыкла к его sms-кам уже и ждала их. В её душе начинал тлеть давно потухший уголёк какого-то чувства: не то сострадания к одинокому человеку, не то чего-то ещё.

Петюня практически не звонил. А если и звонил, то не знал, о чём говорить.

— Ну как ты там? Как нога?— спрашивал он Варю.

Не дослушав, спрашивал то же самое. Когда-то они познакомились в аэропорту. Так получилось, что летели с отдыха, а рейс задержали. Он был один, а Варя— в поиске. И тогда показалось, что Пётр общительный и обходительный. Видимо, весь свой запас общительности он и выложил при знакомстве, пытаясь понравиться.

Был он высокий, не худой— короче, в её вкусе. От скуки сходили в бар, у Петра ещё были деньги. А она, как всегда, возвращалась домой на нулях. Когда прилетели, обменялись телефонами. Через некоторое время стали жить вместе.

Но очень что-то быстро всё ушло. Видимо, чувства-то и не было. Из Петра муж быстро превратился в Петюню.

Интересы у Петюни были— пожрать и поспать. А если появлялись деньги, то ещё и в загул мог уйти.

2.

Наступил декабрь.

«Уезжаю в горы, а Интернет там не берёт, и несколько дней писем не будет»,— писал Джузеппе.

Варваре уже его не хватало. Она каждый день заходила в интернет и проверяла переписку.

«Твоя работа связана с горами?»— спросила Варя.

«Да. Я работаю на горнолыжном курорте Червиния, тренером»,— ответил Джузеппе,— три часа езды от Милана».

«Доброе утро, Джузеппе! Очень тоскливо. У нас зима, идёт снег»,— писала Варвара.

Вся беда была в том, что Варвара ещё не работала и всё свободное время проводила в Интернете. С утра она отвечала на письма друзей и в глубине

души, конечно, ждала писем от Джузеппе. Писать ему пространные письма она как-то стеснялась.

Со временем Джузеппе стал писать более подробные письма. Несколько раз промелькнуло обращение «*mon ami*».

«Вы из вежливости отвечаете мне, Джузеппе?» — спросила она.

«Что Вы, я вас много люблю! Я посылаю Вам свою фотографию, но хочу вашей», — ответил он.

Варваре ударило в голову. На неё вообще сильно действовали слова — как плохие, так и хорошие. Тем более что она уже не помнила, когда мужчины признавались ей в любви.

Тем временем Джузеппе сбросил свою фотографию. Он стоял на вершине горы, внизу виднелись домики. В руках у него были лыжи. Лицо Джузеппе было немного в тени. Но это был уже совсем другой человек. Длинные волосы, нос с горбинкой. Высокий и стройный. Просто молодой Тото Кутуньо! Варвара уже совсем по-другому стала относиться к своему другу по переписке.

Когда она выслала свою фотографию трёхлетней давности, Джузеппе написал ей: «У Вас прекрасное тело, мои поздравления!»

Варвара долго смеялась, получив это послание. Наверное, он хотел написать — «фигура». Действительно, это платье её стройнило, да и ноги ещё ничего!

«Я хочу видеть тебя, — писал Джузеппе спустя несколько дней, — напиши логин свой Skype!»

У Варвары не было скайпа, она как-то не планировала устанавливать его в ближайшее время. Хотя ноутбук был, камера имела — почему нет?.. Джузеппе же был настойчив.

«Я хочу видеть тебя, разговаривать тебе», — писал он.

Примерно через неделю молодой небритый программист — или это бороды такие сейчас у них? — ошастливил её установкой долгожданной программы. За умеренную плату. Обновления посоветовал не включать, а то мало ли что.

А перед Новым годом заявился Петюня. Три дня он отсыпался, отъедался дома, а потом решил поехать к матери в деревню.

— Поедешь со мной к старикам? Новый год — праздник семейный, — произнёс Пётр большую речь. — Куда я на костылях? Тем более там удобства на улице и баня не для меня, — ответила Варя.

Муж особо не огорчился. Взял денег, сколько хотел, и к вечеру уехал на вокзал.

Варя в этот раз восприняла его отъезд даже с радостью, ведь у неё была тайна. А со скайпом границы её общения значительно расширились.

На днях она поговорила с племянницей из Прибалтики, с которой не виделась больше десяти лет.

Поговорила с Ленкой Демидовой. Та носила по дому ноутбук и показывала свои хоромы: гостиная, две спальни, две ваннных комнаты, зал,

гардеробная, кабинет мужа. Потом вышла в сад, показала бассейн и диковинные цветы. Для Вари всё это было за пределами реальности.

На другой день её вызвал по скайпу Игорь Филькенштейн. У него было всё немного скромнее, зато свой дом он приобрёл сам.

— Игорь, скажи, а ведь не сразу у тебя всё получилось, правда? Ты мне даже не звонил первые годы, — спросила Варя.

— А как звонить? У меня тогда не то что денег — даже телефона не было. Не поверишь, даже ночевал на пляже, было как-то. Всё не так просто. А сейчас вот... ностальгия мучает, — вздохнул Игорь.

3.

«Ciao! Come stai? (Привет! Как ты?) Я уезжаю в горы. Много работы в праздники. Поздравляю тебя с Новым годом! Хочу видеть тебя, говорить тебе», — написал Джузеппе.

«Привет! С Новым годом! Я тоже очень хочу видеть тебя. Приедешь, поговорим по скайпу», — ответила Варя.

Праздники закончились, Джузеппе молчал. Пётр тоже загостился у родителей.

Вдруг звонок.

— Ну и что ты там себе думаешь? Не приехала к нам — брезгуешь? — кричала свекровь.

— Успокойтесь. У меня перелом ноги, делали операцию. Я на костылях. Куда я поеду? — пыталась объяснить Варя.

Та будто и не слышала.

— Да ты постоянно то болеешь, то книжки свои читаешь. Петя с вахты прилетает, не можешь его толком накормить. Мужика салатиками кормишь вместо мяса. Собери его вещи, найдём ему молодую, здоровую девушку, — закончила мать Петра.

И всё. Тишина. Может, давно пора разбежаться?

В этот вечер она красиво уложила свои пепельные волосы. Надела бирюзовую блузку под цвет своих зеленоватых глаз. Долго разглядывала новогодние фотографии друзей, родни. Время перевалило за полночь. Прилегла на диван, оставив включённый скайп. Если разница между Миланом и Новосибирском часов пять-шесть, то скоро он будет дома.

И вот побежал вызов: Джузеппе вызывает Варвару. Ей показалось, что живой человек заглянул в её окно на девятом этаже! На фото Джузеппе был похож лишь отдаленно. Для эмоциональной Варвары он был как пришелец из другого мира. Гладко зачёсанные назад чёрные волосы с лёгкой проседью, нос с сильной горбинкой и очень выразительные большие глаза. Одет Джузеппе в оранжевую рубашку, на шее широкая золотая цепочка. К сожалению, пропал звук. Варя кричала, жестикулировала, что-то крутила — всё напрасно.

«Ciao! Come stai? Jo ti vedo» («Привет! Как Вы? Я вижу Вы»), — написал Джузеппе.

В этот момент нарушилось интернет-соединение.

Варя уснула в эту ночь под утро. Она как будто воочию повиладалась с итальянцем. Несколько дней ходила влюблённая, уже мечтала о дальнейших отношениях. Джузеппе почему-то на связь не выходил. Возможно, он по фотографии представлял её совсем другой. Возможно, она не похожа была на его женщину.

4.

Приехал Петюня, собрал свой рюкзак и улетел на вахту.

— Остальные вещи на обратном пути заберу, — только и сказал.

— Скатертью дорога, — ответила Варя.

Прошёл почти месяц, Варя уже ходила с тросточкой. Вышла на работу в свою редакцию. Приближался отпуск в апреле, и ею овладела безумная мечта — побывать в Италии. Она заказала загранпаспорт, узнала, сколько стоят авиабилеты и путёвка на горнолыжный курорт Червиния. Прикинула свои денежные ресурсы: маловато. Но можно занять у родителей или у Лерки. Лучшая подруга работала психиатром в частной клинике. — Да я уже собиралась тебя отmaterить! В какую Италию ты собралась, зная три слова по-итальянски и десять слов по-немецки? Хоть бы английский знала! — кричала Валерия.

— Я надеялась, что Джузеппе меня встретит, ведь он писал, что любит меня, — всхлипнула Варя.

— А ты что у нас, заядлая лыжница? И про перелом забыла? На горнолыжный курорт с тросточкой, — ехидненько продолжала Валерия. — А про любовь они все пишут. Ещё и сына попросит родить.

Прошло две недели. Скайп молчал, Джузеппе на связь не выходил.

В субботу Варя хотела поговорить с Игорем. И вдруг смс из Италии.

«Moi ami! Где ты? Почему ты в России? Я знаю — это ты, Адриана, хоть и назвалась другим именем. Мне плохо без тебя. Возвращайся! Я так много тебя люблю!» — писал Джузеппе.

«??!!!»

— Ты всё правильно поняла, моя девочка, — ласково начала Лера. — Человек потерял жену. У него развилась болезнь, он думает, что его Адриана жива или переселилась в тебя. Бывают такие мании. Возможно, со временем пройдёт.

— Вот умеешь ты утешить, «психиатр в законе!» Можешь разговаривать нормально, я-то здорова, — ответила Варя.

— Раз уж ты собрала деньги, оформила загранпаспорт, лети на тёплое море. А где тепло в апреле, не считая Юго-Востока? В Израиле! Ты Игоря сколько лет знаешь? — неожиданно спросила Лера.

— Да лет пятнадцать-семнадцать. Ещё подростками были, когда познакомились. Они наши соседи по даче были. Он до сих пор про свои яблоньки спрашивает, а я ж на даче не бываю. Его родители переехали и дачу продали.

— Даже если он не влюблён в тебя, всё равно поможет устроиться, снять домик на море. Тебе сейчас надо плавать минимум по четыре часа в день. Сначала здоровье, потом любовь, — бодро закончила Валерия.

Месяц Варя переживала расставание со своей виртуальной любовью. Звенели ручьи, набухали почки. На балкон прилетали незнакомые птицы с красной спинкой. В Сибири бушевала весна! А Варя собирала чемодан с купальниками и парео.

«Чёрный лесоруб» Иван Захарович

Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого?

Э.М. Ремарк

1.

После тёплого и даже жаркого лета август пришёл прохладный.

Иван Захарович стоял на автобусной остановке. Уже второй раз ехал он в райцентр, чтоб выписать билет на заготовку дров. Утро выдалось ветреное. — Захарыч, ты куда это вырядился с утра пораньше? — спросила подошедшая Мария Кирилловна. — Ну Кирилловна: увидела, что мужик чисто оделся, — сразу «вырядился», — отшучивался Захарыч. — В райцентр еду. Порубочный билет выписывать. — Плохо нам теперь без лесхоза. Раньше даже я с больной ногой могла дойти за пятнадцать минут до конторы. А ты выпиши на меня билет, я деньги-то отдам. Отдам, — попросила Кирилловна.

— Да дело не в деньгах. Там такая волокита: то один в отпуске, то другая на больничном. Не знаю, повезёт в этот раз или нет.

— Вот, огурцов собрала своим девкам. Хочу с шофёром передать. Себе-то я уже насолила, — пояснила Кирилловна свой визит к автобусу.

Подошёл автобус, вернее, «газель».

— Готовьте без сдачи по двести рублей. И не надо мне мелочь совать, — распорядился водитель.

Мария Кирилловна отдала водителю рюкзачок. — Вечером заезжай, Лёва, я тебе тоже соберу огурчиков свеженьких, — пригласила она шофёра.

Народ расселся в «газели». На остановке остались Мария Кирилловна и её соседка Наталья, провожавшая в райцентр своего сына.

— А в советские времена проезд стоил восемьдесят копеек. Да и деньги другие были, — сказала ей Кирилловна. — Вы-то маленькие были, не помните.

— Почему? Помню. Я же училась в райцентре. И бесшменного водителя Ивана Михайловича помню. Такой вежливый был. Сам стоял у двери

и в первую очередь пропускал женщин с детьми и стариков,—ответила Наталья.

Захарыч смотрел через окно автобуса на Марию Кирилловну и любовался. Её даже палочка не портила. До чего же статная женщина! Высокая, прямая в свои-то годы. Платки всегда красивые носит, хоть и волосы не сильно седые. Голубые глаза ещё не поблёкли.

С этими мыслями он и поехал в райцентр. На выезде из посёлка они обогнали лесовоз, гружённый сосной.

— Самую золотую середину берут, сволочи! — сказал Захарыч соседу Демьяну.

— А ты посмотри на диаметр сосны, вон торчат — двадцать сантиметров. Раньше был стандарт, тонкие не пилили. Я же вальщиком работал в лес-промхозе, такого не было! А теперь выскребают всё подряд, близко-то заготовительного леса не осталось,—с тоской в голосе ответил Демьян.

2.

Раньше дорога была на тридцать километров короче. А как сорвало мост через Бирюсу во время ледохода, так стали ездить в объезд, через Конторку.

В райцентре начались очередные мытарства Ивана Захаровича. Из кабинета в кабинет. И везде надо было ждать, высиживать очереди. Хуже, чем в больнице. И опять не выписал порубочный билет!

Злой и голодный, Захарыч едва успел на последний рейс. Два часа трясся в «газели». Асфальт начинали укладывать ещё в советские времена. Местами он сохранился, тут ехали быстрее. А местами дорога была разбита лесовозами до безобразия. Водитель, как мог, объезжал ямы.

В шестом часу приехал Захарович домой. Накормил кошку с котятками и собаку. Налил себе рюмку водки. Подогрел картошку, достал из холодильника малосольных ельчиков. Раньше у него была постоянно рыба: щуки, подъязки, налимы. Браконьерничал помаленьку. А потом гидролизный завод всю рыбу вытравил. Так, иногда на удочку ловил мелочь.

После ужина Захарович посидел на крыльце, покурил. Погладил рукой половичок, Настасья покойная ещё ткала.

«Три года уже, уже три,—подумал.—Остался один, как сыч».

Вздыхнул и пошёл к Кирилловне докладывать, что съездил напрасно.

Один за другим прошли два лесовоза.

3.

Мария Кирилловна открыла калитку и повела гостя в летнюю кухню.

— Знаешь, Захарыч, дом большой, дров много надо, чтоб его натопить. А здесь у меня плита, и себе варю, и поросёнку. Иногда и заночую здесь,

на лежанке. В дом хожу только телевизор смотреть,—рассказывала Кирилловна.

Тем временем она нарезала малосольных огурчиков, сделала помидоры с репчатым луком и сметаной. Незаметно сжарила яичницу-глазунью, глазки всмятку.

— Зря ты, Кирилловна, гоношишься, я ужинал. Да и не за что меня угощать, опять не выписал билеты. Подписать бумагу некому, начальник куда-то уехал,—грустно сказал Захарович.

— Что ж, плохо, конечно, что не выписал. Но ты такой редкий гость у меня, всё равно присаживайся. Почаевничаем, поговорим,—неторопливо продолжала Кирилловна.

— Сколько лет ты уже у нас в посёлке живёшь? — спросил Захарович.

— Да уж больше пяти,—вздыхнула хозяйка.— Я ведь раньше в райцентре жила, в благоустроенной квартире. А как внучка родила в восемнадцать лет парнишку, так дочь стала настаивать, чтоб я к ним переехала. Никогда себе не прощу, что такую глупость сделала. Рано было объединяться с дочерью-то.

— Да-а-а, дела. А я вот один. Тоже чего хорошего,—вздыхнул Иван Захарович.

— Так я им нужна была, чтоб водиться с Егоркой. А как в садик отдали, вроде лишняя стала. Вот выпросила у дочери остатки денег от квартиры, свои смертные добавила и купила этот дом. Да ты ешь, ешь, Захарыч,—спохватилась Кирилловна,—сейчас чайку налью.

— Да-а-а, а я вот один. Дети далеко: дочка в Краснодарском крае, а сын в Москве. Разлетелись,—вздыхнул Захарович.— А жену похоронил.

— Помню, помню Настасью, как же. Красавица она у тебя была,—улыбнулась Мария Кирилловна.— Что она в тебе нашла?

— Да это я сейчас стал седой, и ноги кривоваты. А в молодости был высокий, стройный, и чуб смоляной. А носом и усами, говорят, на Григория Мелехова был похож из «Тихого Дона»,—рассмехался Захарыч.— Не одна девка по мне сохла.

— Ну не хвались. Где они теперь, эти девки? — спросила Кирилловна.

— Да кто где. Кто уехал, кто в семье живёт. А кто с Настасьей рядом, за коммунхозом,—ответил Иван Захарович.

— Да, плохо старикам в одиночестве доживать. Я ведь с мужем всего четыре года прожила, погиб. А замуж больше не выходила из-за Полины. Вот и вырастила эгоистку, а она такую же Таиску.

— Да не расстраивайся, Мария. Ты не одинока. Вот я теперь... это самое... рядом,—закашлялся Захарыч.

Мария Кирилловна сделала вид, что не поняла, куда он клонит.

— А уж Егорку вообще избаловали. Меня не любит, что строга я с ним. То фигушки под нос мне сует,

то соли в чай насыплет. Не езжу я к ним. Здесь спокойнее. Вот только бы дров на зиму заготовить. Ой, что-то разболталась я сегодня, — спохватилась Кирилловна.

4.

Через неделю Иван Захарович снова поехал в райцентр. Вместо той секретарши, что уже примелькалась Захарычу, сидела совсем молоденькая девчонка.

— Так это устаревший бланк, — протянула девица, — надо взять новый и собрать все подписи, а уж потом к директору.

— Это опять начинать всё сначала! Обходить все кабинеты! — возмутился Захарович.

— А вы не кричите на меня тут, а то могу и охрану вызвать, — строго сказала девица.

— О, у вас и охрана есть! Конечно, организация небедная. В Китай теперь лес продаёте, многое можете себе позволить, — сдержанно сказал Иван Захарович.

И пошёл снова из кабинета в кабинет. Конечно, опять не успел оформить документы до вечерней «газели».

Вышел на крыльцо конторы и пошёл на автовокзал. А в голове вертелись строки Некрасова: «...И пошли они, солнцем палимы...»

Приехал домой мрачный. Вышел в центре посёлка. Навстречу шёл лесовоз, полный. Зашёл в магазин, купил колбасы и хлеба.

Дома накормил своё хозяйство. Тяпнул пару рюмок водки. Закусил колбасой с солёным огурцом. Покурил на крылечке.

«Прям стыдно идти к Кирилловне. Она на меня рассчитывает. А я... вот так», — думал Захарович.

Калитка у Кирилловны была не заперта. Двери на веранду нараспашку.

— Кирилловна, ты живая? Здорóво, — крикнул он с порога.

— Проходи сюда, Иван, — слабым голосом ответила женщина.

— Ты чего это улеглась так рано? — бодро спросил Иван Захарович.

В комнате пахло лекарствами. Кирилловна лежала в постели в платке и тёплой кофте. Накрыта одеялом, а сверху ещё полушубком.

— Да что-то приболела я, Иван Захарыч, маленько, — так же слабо ответила Кирилловна. — Врачи говорят — бронхит.

— А в доме-то холодней, чем на улице, — громко продолжал Захарович.

— Так дрова-то кончились совсем. Я уж все щепки и старые доски сожгла. Хотела сарай разбирать, да сил не хватило, — тихо рассказывала Кирилловна.

— Ну, сарай-то сжечь всегда успеешь. А дрова потом куда складывать будешь? Сейчас приду, — крикнул Иван Захарович и пошёл из избы. — Да, дела-а-а...

Через несколько минут он шёл от своего дома с вязанкой дров через плечо.

— Это чё это? Новестам теперь дрова дарят вместо колец? — ехидно спросила соседка Нюрка Рыжая. — А иногда дрова дороже колец бывают, Нюра! Да и сопливая ты ещё надо мной подсмеиваться, — грозно ответил Захарович.

— Ой, дядя Ваня, да я же шутя, без зла, — ответила «сопливая» Нюрка, которой недавно стукнуло пятьдесят. Да и была она уже не рыжая, а седая.

В доме Иван Захарович быстро растопил печь, и стало помаленьку расплзаться тепло.

— А ты хоть ела сегодня, Мария? — спросил он женщину.

— Сварить — сварила кое-как, а вот поесть что-то аппетита не было. Сходи, Иван, принеси из летней кухни борщ в зелёной кастрюльке, — сказала хозяйка.

Захарыч бодрым шагом сходил в летнюю кухню. Поставил разогревать борщ на плиту.

— Кирилловна! Я ведь снова зря съездил! Бланк у меня, видите ли, не тот. Как вроде я сам его напечатал! Вот такое зло взяло, поубивал бы всех этих чиновников! Так ведь это наши дети и внуки. Мы их сами такими вырастили, — со вздохом закончил Захарович.

— Успокойся. Сам, небось, голодный. Ставь тарелки из шкафчика, сейчас я выйду, — донеслось из комнаты.

— Да не, я закусывал, — рассмеялся Иван Захарович. — А дров я тебе привезу, Мария. Вот маленько подшаманю «Москвич». Прицеп зацеплю и поеду на деляну, откуда в Китай лес возьят.

5.

Несколько дней возился Захарович со своим «москвичонком». В город, конечно, на нём ездить нельзя, а в лес можно. Кто там увидит, что техосмотр не пройден?

Выехал часов в семь утра. Лес в округе он знал хорошо. По молодости с ружьишком бегал в округе по сто километров. А потом запреты начались, да и дичь перевелась. Позже за ягодами ездил с женой. Сначала на мотоцикле, потом на «Запорожце», потом вот на этом «Москвиче». Так, в раздумьях и воспоминаниях, проехал Захарыч Мыс. А тут уже рукой подать — каких-то километров сорок. Свернул в сторону соснового бора. Проехал немного. Вышел из машины и оторопел. Где же сосновый бор?

Он увидел десятки, нет, сотни деревьев со свежими срезами. Пни были высокие, Захарычу по грудь. Они ещё не потемнели и сочились смолой, как слезами. Он подошёл к толстому пню и потрогал пальцами срез. Можно посчитать годовые кольца. Дерево ничего не скрывает, честно отвечает на вопрос о дате своего рождения. Захарычу сдавило грудь.

— Да что за люди мы такие?! Как можно так издеваться над природой? А ещё и позволять всяким... творить такое зло в моей стране?! — крикнул старик в синее осеннее небо и заплакал сухо, без слёз.

Тут же беспорядочно валялись макушки деревьев. Никакого брусничника и в помине не было. Земля была истоптана и перепахана техникой и людьми. Но лес-то, лес! Где же сосновый бор? Сосновые пни, как обрубленные руки, направлены в небо. Кое-где росли молодые сосенки. Соснового бора не было.

— Всё подчистую выпиливают, даже молодняк. Сволочи! — пробормотал старик.

Сел на бортик прицепа, закурил. Потом достал старенькую «Дружбу» и начал пилить макушку. Получилось три чурочки. Уложил их в прицеп. Распилил вторую, снова сел перекурить. Что-то тоска грызла сердце. Поработал с часок, распилил ещё несколько макушек. Достал термос, попил чаю. И только снова взялся за пилу, на дороге появился целый кортеж машин разного «калибра». Первый внедорожник быстро приближался к нему по кустам и сучьям. Остановился. Оттуда выскочили молодые парни с камерой, с фотоаппаратами. Из остальных машин тоже бежали люди.

Захарыч вытер пот со лба.

— Мать честная! За что мне такая честь? Кто вы такие? — спросил он.

— Это ты кто такой? Хотя мы знаем, вы — «чёрный лесоруб», — галдели ребята.

— Ваше удостоверение личности, — потребовал мордастый парень с пузом через ремень.

— А зачем мне документы в лесу? И какой я лесоруб, если с земли собираю макушки? Я даже ни одного пня не спилил, не то что сосны, — пытался объяснить Захарович. — Вы бы лучше следили за теми, кто так варварски лес пилит!

— Садитесь в свою машину. Мы вас вместе с вещдоками проводим до дома. В силу вашего возраста оставим вас под домашним арестом, — командовал другой, постарше, в длинном чёрном пальто.

В этот день весь посёлок только и говорил о том, что Захарыча привезли из леса в сопровождении четырёх машин. К вечеру машин стало семь.

Но больше всего возмущались сельчане, что в посёлке есть доносчик! Ну прям тридцать седьмой год! Как узнали в районе, что дед поехал напилить себе кубометр дров?

А районное начальство, обработав и приукрасив «материал», переслало его в область. И уже в ночных новостях появился сюжет о «чёрном лесорубе» Пескове Иване Захаровиче. Кто-то из посёлка посмотрел этот сюжет ночью, а сам Иван Захарович с Марией Кирилловной смотрели новости утром. Захарович поперхнулся чаем.

— Вот это я прославился, Кирилловна! Неудобно будет, если дети увидят, — крикнул он.

В областном телецентре шли утренние новости. В редакции со всех мониторов крупным планом показывали «чёрного лесоруба» Пескова Ивана Захаровича.

— А у деда фамилия-то Песков, — тихо сказала девочка-секретарша. — А я читала, что тот Песков... который у президента, отсюда откуда-то. А вдруг — отец?..

Многие застыли. Кто-то переспросил:

— О чём это она?

б.

В тот же вечер около дома Ивана Захаровича остановился КАМАЗ с дровами. Перед ним долго извинялись и пытались выгрузить дрова.

— А что вы извиняетесь, ребята? Я вас знать не знаю. Где же ваше начальство? Пусть они извиняются! Прославили на всю страну под старость лет, — вздохнул Захарыч.

— Ты что, дед, от дров отказываешься? Как мы их назад повезём? Нас же кастрируют, — хохотнул бойкий парень.

— А мне дармового не надо! Я в состоянии сам себе дров заготовить. Пусть мне порубочный билет дадут. А дрова вон там, напротив, сгрузите, там женщина-инвалид живёт. Жалко же вас, вы ж тоже... люди подневольные, — ответил Захарыч.

На перекрёстке снова показался лесовоз со свежей сосной.

Девочка на горке

— Ура, каникулы! Новый год! Дед Мороз подарки принесёт, — выкрикнула девочка Надя, ворвавшись в квартиру.

А дома никого не было, только кот Барсик испуганно метнулся в темнушку. Девочка бросила портфель, поела, что нашла в холодильнике, и стала собираться на горку. Мама сказала, что кататься можно, пока светло. Надо поторопиться. Как только загорятся лампочки на ёлке, надо топать домой.

Надя надела болоньевые штаны, домашнюю куртку и войлочные сапоги. Валенки стали малые.

Горка была очень крутая и очень длинная. Её даже поливали водой, чтоб была не простая, а ледяная.

У девочки не было ни «ватрушки», ни ледянки, поэтому она каталась на своей куртке. Просто на куртке. И кричала от восторга:

— А-а!

Девочку крутило и вертело на выбоинах, и крик получался дрожаще-дребезжащий: «А-а-а-а-а...» — и повышался по высоте.

Многие дети были с мамами и папами, которые наблюдали за ними. А с маленькими детками родители катались сами, усадив их на колени. А Надина мама на работе с восьми утра до десяти вечера. Она продавцом работает. А папа какими-то

вахтами работает. Надя его последний раз видела, когда ходила в садик. А сейчас она большая, ходит во второй класс. Мама говорит, что папа вообще остался жить на Севере с чукчами и белыми медведями.

«Счастливый! Умку увидит!» — думала девочка.

Надя весь день предоставлена сама себе. Она может и в магазин сходить за молоком, и пол подмести, и обед себе сварить: картошку или лапшу китайскую.

Скатившись несколько раз и вдоволь накричавшись, Надя подошла к ёлке.

— А вон наш кораблик висит, с красными парусами, — сказала Надя взрослой тётке, которая разглядывала игрушки.

Женщина посмотрела на Надю и снова на ёлку. Ёлка высоченная.

— Да вон, вверху! Ёлка лапой мне качнула, где кораблик висит. Мы с мамой несколько вечеров его клеили и красили. Говорили, что подарок дадут, а не дали! Мама сказала — попозже, после её полочки будет, — тараторила девочка.

Корабль с красными парусами действительно красиво смотрелся в лучах заходящего солнца.

— А ты приходи ко мне в художественную школу, будешь учиться рисовать, — сказала взрослая тётя. — Да у нас, наверное, с мамой денег на всё не хватит. Я просилась у мамы в музыкалку. Мама сказала — дорого, — рассудительно сказала девочка. — Ну пусть мама твоя подойдёт ко мне, спросит Людмилу Ивановну. Хорошо? — сказала женщина. — Ну, я пошла кататься, пока светло, — объявила Надя.

— На тебе конфету «Гулливёр» вместо приза за кораблик, — сказала Людмила Ивановна.

— Вечером с мамой чаю попьём, — сказала девочка и спрятала конфету в карман.

Надя удалялась быстрым шагом. Одета она была в старую синюю куртку, две пуговицы внизу уже были оторваны.

Накатавшись досыта, девочка пошла к бабушке. Бабушка старая и больная, она не может ходить

с ней на горку. Баба Поля даже по дому ходит с палочкой. Кряхтит и охает. А ещё ворчит на Надю, что промокли войлочные сапожки, варежки обледенели. Про куртку и штаны баба Поля не успевает попричитать. Надя быстро развешивает их на батарее. Баба Поля подогрела красный борщ, отрезала сала и дала Наде зубочек чеснока. Это чтобы к Наде простуда не пристала. Да Надя и так закалённая.

— Бубулька! У меня же конфета есть большая! Сейчас тебе отрежу кусочек, — вспомнила Надя. — Да что ты! Я ж конфеты, Наденька, не ем, у меня от них все зубы выпали. С мамой съедите, — вздохнула бабушка.

Маленько пообсохнув и выпив чаю с клубничным вареньем, Надя засобиравалась домой.

— Придёшь домой, куртку-то со штанами досуши. А варежки мои на вот, надень. Я твои выстираю и зашью, — вздыхает бабушка. — А то заночевала бы? Ведь каникулы.

— Нет, мне надо маме картошки сварить хоть в мундирах. Она рыбки принесёт с работы. Мама такая голодная приходит вечером. Весь день всухомятку, — рассуждала девочка как взрослая.

— А четверть-то как закончила? — спросила баба Поля.

— Да так себе. У меня пятёрки только по пению и по физре. По чтению четыре и по рисованию, а остальные тройбаны, — крикнула Надя уже от лифта.

— Конечно, с тобой некому заниматься. Я уж ничего не помню. Димка где-то болтается, братец твой. Да лучше бы и не приезжал. Спокойнее всем, — бабушка рассуждала уже сама с собой. — Ба! Бубулька! Поехала я, — крикнула Надя уже из лифта.

На улице совсем стемнело.

Дома Надя поставила варить картошку и за-мертво уснула. Хорошо, что дверь не закрыла на ключ. Кот Барсик мяукал и скрёбся в дверь. Соседка и зашла. Картошка для мамы получилась печёная.